

Следующие несколько часов для меня прежнего прошли бы наверняка стандартно и скучно. Но так как у меня напрочь выпало из памяти все, что изменилось за неполный прошедший год, каждая мелочь, каждое случайно оброненное слово для меня было манной небесной. И я слушал, смотрел, изучал, думал...

Так, оказалось, что долго сидеть с опущенными в желтый гель руками слегка затруднительно. Вроде бы и стул удобный, и рукам в какой-то степени приятно. Но вот на втором часу, если не раньше, начинаешь буквально ерзать на месте, и ничего не помогает, в том числе медитативные техники. Я бы сказал, что они больше раздражают. Вот и по регламенту приходится периодически прерываться для того, чтобы сходить в специально отведенную комнату отдыха или вниз, в один из кафетериев. Лучше, конечно, последний вариант, так как массажные кресла и заунывная музыка, которую пришельцы, как выяснилось, считают красивой и расслабляющей, вообще не располагают к тому, что у нормальных людей называется отдыхом. Я и смотрю, что в комнате, рассчитанной как минимум на пол-этажа, человек пять от силы.

Светка с Ванечкой вяло перебрасывались ничего не значащими фразами, моя соседка справа тоже начала вступать в разговор, периодически выглядывая из-за перегородки и опасливо поглядывая на меня, как на змею в террариуме. Светка же, с которой мы, как выяснилось, были неплохо знакомы, постоянно пыталась втянуть меня в дискуссию, но я осторожничал, а потому отделялся многозначительным мычанием и междометиями. В лучшем случае вставлял пространную фразу, которую можно было трактовать как угодно, и Светка в определенный момент это заметила. Даже обиделась, смотри-ка – губы поджала, отворачивается, когда я на нее смотрю.

Пару раз по нашему ряду прохаживался Кромвель, и все время не один, а с какими-то синемордыми личностями. Все они были неплохо одеты, один так и вовсе был настоящим франтом в старомодном френче и с галстуком-бабочкой. И каждому Кромвель что-то втолковывал, приводя какие-то значения, проценты и поправки. Я так понял, что это то ли инвесторы, то ли проверяющие органы. Интересно, так всегда происходит? Или только по особым дням? А то странно немного, что из сотни этажей все сосредоточились на одном.

Этот момент для меня пока был непонятен, а вот кое с чем я все-таки разобрался – теперь я знаю, почему блондинка назвала Кромвеля «нашим бастардом». Когда мимо нас проверяющие ходили, я заметил, что к некоторым из них он обращался просто – Чарвель, Хартон, Короджа. А вот перед синемордым с бабочкой, такое ощущение, чуть ли не книксены выполнял и называл не иначе как Вели Кандор Трак. И всегда полностью, без всяких сокращений. Может, это у них традиция такая – типа как у нас Гамлет, принц Датский, или Алиса Гессенская? И если ты крутой, тебе к имени титул добавляют. А Трак – это, похоже, что-то вроде клана или просто крупной дворянской семьи. Порылся в интернете во время очередного перерыва – и на тебе. Действительно, все так и оказалось.

Так, за ленивыми размышлениями прошел мой первый (если считать в доброй памяти) рабочий день. Ванечка на мое вежливое прощание отозвался дергаными взмахами рукой, соседка справа (так и не посмотрел, как ее зовут) нервно хихикнула и кивнула. А вот Светка и вправду обиделась – даже не посмотрела, лишь холодно попрощалась в ответ, демонстративно дожидаясь, пока я уйду. Да уж, тяжело страдать амнезией, особенно в такое интересное время.

Топографическое невежество меня больше не мучило, так что я легко нашел выход из здания, когда спустился на уже знакомом лифте, потом заварил себе по пути кофе и отправился пешком в сторону дома. Благо, если не считать огромный прямоугольник мега-офиса, город особенно не изменился.

Впрочем, это только на первый взгляд. Сейчас, когда я шел медленным шагом, а не ехал в патрульной машине, легко было разглядеть детали. Вот названия улиц, например, стали дублироваться на каком-то клинописном языке. Сплошные палочки – поперечные, вертикальные, наклонные. Хотя те вели, с которыми я сегодня столкнулся так или иначе, прекрасно разговаривали и понимали по-русски. Тогда зачем эти сложности?

Ого, а вот этого точно раньше не было! Старый городской рынок, который во времена моего детства был колхозным, а потом вещевым, располагался по пути домой. Но сейчас вместо него чернели какие-то развалины, металлические торговые ряды были сожжены и скручены в хлам. И что здесь, интересно, произошло? И почему не восстанавливают? Да хотя бы хлам убрать можно было!

Впрочем, развалины не помешают мне срезать путь – к дому быстрее доберусь, а там или по окрестностям прогуляюсь, чтобы память, быть может, подтолкнуть к восстановлению, иди уж, как планировал, в интернете посижу спокойно.

Но кто не ищет легких путей, рано или поздно жалеет об этом. Так и я – ну вот кто меня дернул пойти через этот сгоревший рынок? Не успел я углубиться как следует в лабиринты искореженного металла, как получил чем-то звонким по черепу. В глазах поплыло, руки и ноги сделались ватными, и меня кто-то осторожно, но при этом уверенно подхватил под руки и потащил. Куда? Черт его знает, ничего не вижу.

Пару раз я, наверное, проваливался в забытие, но вскоре сознание начало восстанавливаться. Даже пелена перед глазами рассеялась, только руками почему-то пошевелить не могу. Так, и где это я лежу? Какая-то подсобка, через узкое окно проникает солнечный свет. Ага, окон два – второе просто загородил своим телом какой-то грузный мужик. И ведь явно же человек, не синемордый, хоть и старательно скрывает свое лицо балаклавой. А вот и второй – полная противоположность, как в анекдоте про тонкого и толстого. Стоит, наклонившись, и что-то колдует над необычного вида ноутбуком.

- Конь, давай завязывай, он очухался, - пробасил толстый, старательно изменяя голос.

Тот, кого называли Конем, обернулся, секунду завис и быстро-быстро закивал. Я вновь попробовал пошевелить руками, и на этот раз у меня получилось. Вот только с трудом, как будто что-то мешалось... Я скосил глаза – вот тебе и погулял! – на кисти мои были надеты какие-то тусклые металлические цилиндры, от которых к золотистому ящику тянулись перекрученные провода. И что за ерунда происходит?!

- Снимаю! – прогудел толстый и ловко стянул с меня цилиндры, щелкнув перед этим миниатюрными замками. – Не соврали, двойка! Конец дня, а сколько энергии набралось.

Руки едва шевелились, их попросту свело, но не заметить и не почувствовать остатки желтого геля на них было невозможно. Напавшие на меня неизвестные, подхватив ноутбук и золотистый контейнер, оказавшийся переносным аккумулятором, выскочили из подсобки и скрылись, оставив меня на воняющем машинным маслом полу.

Вот черт, и почему я чувствую себя как тот самый выжатый лимон, что даже встать не могу?